

Т. Б. ДЛУГАЧ

Шарль Луи Монтескьё и его концепция правового государства

§ 3. Понятие законов. Их объективный характер, «Дух законов»

Но главная заслуга Монтескьё — создание сочинения «О духе законов», — эта книга принесла ему настоящую славу политика-законодателя, создавшего концепцию правового государства и вписавшего ее в контекст учения о принципах действия законов. Писал он ее 20 лет — с 1728 по 1748 гг., вышла в Женеве. Монтескьё в чем-то предвосхитил Гегеля, и это существенное «что-то» касается самой трактовки законов человеческого общежития как объективных законов.

По Монтескьё, законы имеют объективный характер; несмотря на то, что они создаются людьми и поэтому имеют несовершенный вид, в основе их лежит нечто объективное, что вытекает из самой природы вещей. «Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии»^{*}.

Уже по этой одной фразе можно убедиться в том, что Монтескьё — типичный представитель Просвещения, с одной стороны, а с другой — сторонник принципа объективности. Предрассудки должны быть отменены собственным просвещенным суждени-

^{*} Монтескьё, Ш. Л. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 159. В дальнейшем цитирование осуществляется по этому изданию «О духе законов». — Т. Д.

ем, собственным рассудком, а он апеллирует к природе. Законы вытекают из самой природы вещей. Законы можно назвать известными инвариантами, сохраняющимися при всех изменениях вещей, ибо они выражают суть — природу вещей. Что же до законов общества, то они, как и законы природы, установлены мудрым Творцом, его разумом, в основе своей разумны, и человек со своим ограниченным умом может лишь более-менее приближаться к ним. Но даже божественные акты творения подчинены определенным законам, и, несмотря на признание безграничной свободы Творца, это не означает, что он творит по произволу. Здесь Монтескьё приближается к пониманию объективных закономерностей Универсума. «Было бы нелепо думать, — пишет он, — что Творец мог бы управлять миром и помимо этих правил (законов. — Т. Д.), т. к. без них не было бы и самого этого мира» (с. 163). Поэтому законам, созданным людьми, предшествуют законы объективные, и только ими укрепляются общественные связи.

Так как человек — ограниченное существо, он беспрестанно нарушает им же самим созданные (и имеющие в своей основе более высокие цели) в обществе законы, но просвещенность постепенно торжествует, так что можно надеяться на конечное утверждение справедливости. Это произойдет, как говорится, потому, что общественные (включая самые высшие) законы основаны на законах природы, а уже они-то незыблемы и обойти их невозможно.

В естественном состоянии человека властвовали только естественные законы; человек надеялся на свою силу, но в действительности был слаб. И по этой причине он всегда стремился к союзу с другими. Гоббс¹, согласно Монтескьё, неправ, предположив изначальную «войну всех против всех». Напротив, когда люди поняли, что страх — перед природой, дикими зверями, и т. п. — является взаимным, они потянулись друг к другу. Поэтому разумно выделить такие четыре закона, объединяющие людей в общество: 1) желание мира; 2) стремление добывать себе пищу; 3) тяга людей друг к другу и 4) желание объединиться в общество. Это как бы главные законы общежития. Но существуют еще законы трех родов: религиозные, общественные и естественные, и надо выяснить взаимоотношения между ними. «Не следует ни делать предметом постановлений божественного закона то, что относится к законам человеческим, ни решать посредством человеческого закона то, что подлежит законам общественным»

(с. 559). Эти три рода законов отличаются один от другого своим происхождением, целью и природой. Так «человеческим законам свойственно от природы (замечим: включилась *природа*. — Т. Д.) подчиняться всем обстоятельствам действительности и следовать за всеми изменениями воли людей» (с. 559). Напротив, отличительная черта божественных законов (наверное — заповедей) — никогда не изменяться, т. к. если человеческие постановления относятся к благу, то религиозные — к Высшему благу. Для человека понятие блага может меняться, поскольку существует «много различных благ», но «Высшее благо — едино», а значит, изменяться не может. Законы можно изменять от плохих к хорошим и от хороших к лучшим, но установления религии всегда считаются наилучшими. К тому же есть государства, в которых законы ничего не значат, и если бы божественные законы были однородны с человеческими, то и они ничего бы не значили, а это не так. Для общества же необходимо, чтобы существовало нечто *постоянное*, и таким постоянным являются религиозные законы. Различие также и в том, что сила религии основывается на вере, а сила человеческих законов — на страхе перед наказанием за то, что преступают закон. «Законы религии более величественны, законы гражданские обладают большей широтой» (с. 565). Законы религии относятся главным образом к отдельному человеку, законы гражданские — к людям. «Таким образом, как бы почтенны ни были сами по себе понятия, вытекающие непосредственно из религии, они не всегда должны служить руководящим началом для гражданских законов, потому что эти последние имеют иное руководящее начало — благо общества в его целом» (с. 565). Итак, не религии принадлежит приоритет в общественных делах.

Если, далее, обратить внимание на соотношение естественных и общественных законов, то здесь нет такой четкости, как в случае соотношения божественных и человеческих законов. С одной стороны, естественные законы сменяются общественными, поскольку естественное право уступает место гражданскому; с другой стороны, общество ориентируется на природу. Так естественный закон требует, чтобы взрослые дети кормили своих старых отцов; кормление маленьких детей, в свою очередь, есть обязанность, установленная естественным правом, тогда как предоставление им наследства — гражданская обязанность как результат действия гражданского права — видно, что они вообще не совпадают.

Все же самое главное для Монтескьё — это то, что законы, каковы бы они ни были, имеют объективный характер и сам Творец подчиняется им. Значит ли это, что они — продукт Ума, более могущественного, чем сам божественный, или же они — продукт природы вещей (природы?), также более могущественной, чем божественная? Однозначного ответа Монтескьё не дает.

Для него важно то, что в обществе существуют объективные закономерности, которым следует подчиняться.

Но самая важная заслуга Монтескьё состоит в том, что он ввёл в обиход — как узко философско-политологически, так и более широко — понятие духа законов. Включив его в свою теорию, он указал не только на объективность законов, но и раскрыл их содержание, выделив те факторы, на которые должен ориентироваться законодатель, вводя законы в действие. «Многие вещи управляют людьми, — пишет Монтескьё, — климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» (с. 412). Законодатель должен сообразовываться с народным духом, поскольку этот дух не противоречит принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что мы делаем свободно и в согласии со своим природным гением (т. е. присущими нам особенностями). Законы издаются, а нравы внушаются (воспитываются); последние более зависят от общего духа, а первые — от отдельных учреждений; «но извращать общий дух столь же и даже более опасно, чем изменять отдельные учреждения» (с. 415). «У народа с хорошими нравами законы отличаются простотой» (с. 422); когда у Солона² спросили, дал ли он афинянам лучшие законы, тот ответил: «Я дал лучшие из тех, которые они могли вынести» — вот на какую степень умеренности, по Монтескьё, должен быть нацелен законодатель. Обычаи и нравы народа должны быть тесно связаны с его законами.

Как будто Монтескьё говорит здесь не о духе законов, но о духе *народов* (это понятие позже заимствует Вольтер, бесспорно читавший Монтескьё и употребивший его через шесть лет в названии своей главной исторической работы «Опыт о нравах и духе народов»); но всё сочинение о «Духе законов» проникнуто мыслью о том, что именно народный дух лежит в основе духа законов. В книге первой, т. е. в самом начале сочинения, Монтескьё пишет о том, что законы должны соответствовать: климату страны, её почве, её положению, размерам, образу жизни населяющих её

людей (охотников, пастухов, земледельцев), степени её свободы, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговли, обычаям. Все эти факторы связаны между собой, и как раз их отношение следует рассмотреть со всех точек зрения. «Это именно то, что я предлагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется Духом законов» (с. 168).

Тем самым великий французский мыслитель закладывает простую и одновременно прочную основу для всех возможных политических и социологических исследований; исследователи должны опираться на неё. Такой новый подход устранил субъективизм и будет соответствовать истинным объективным отношениям вещей. Это новое слово, сказанное Монтескьё, нельзя недооценить.

§ 4. Влияние природных факторов на дух законов

Монтескьё одним из первых мыслителей включил в философско-социологический обиход понятие «духа законов», которое тесно связано с понятием самого закона. Объективные закономерности обусловлены и географическими составляющими человеческой жизни, и неким всеобщим, верховным разумом, диктующим эти законы людям.

В других наших работах не один раз подчеркивалось, что все просветители ориентируются на два противоположных полюса — природу и воспитание. Их антиномическая³ связь была рассмотрена, в частности, в нашей монографии «Дидро» (М., 1975). Но если для всех других просветителей «природность» давала о себе знать через физиологические природные потребности человека, то у Монтескьё природные требования выразились главным образом и прежде всего во влиянии климата, плодородия почвы и т. п. на нравы и обычаи народов. «В странах с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами.

...Таким образом, в странах плодородных всего чаще встречается правление одного; а в странах неплодородных — правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия. «Бесплодная почва Аттики поро-

дила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона — возникло аристократическое правление, как более близкое к правлению одного...» (с. 393); в то же время «бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне: ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва. Плодородие страны приносит им вместе с довольством изнеженность и некоторое нежелание рисковать жизнью» (с. 394). Точно так же и климат влияет на народный дух и затем на дух законов: «Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость» (с. 350).

Поэтому «в холодных климатах люди крепче» (с. 350). «В холодных климатических условиях чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому, как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей» (с. 351). По этой причине в южных странах организм у людей нежный, чувствительный, они влекутся к наслаждениям в большей мере, чем в северных широтах. Монтескьё даже полагает, что «по мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может воспрепятствовать этим страстям» (с. 352). В северных же странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствиях, войне, и т. д.

И если к нежности органов у южных народов присоединить некоторую леность ума, то можно понять, почему душа их, приняв те или иные законы, уже не меняет их. Как видим, рассуждения Монтескьё строятся вполне механистически; механицизм⁴ для него — всеобщий способ объяснения.

Но продолжим. В странах жарких, где жара обессиливает и подавляет людей, покой доставляет наслаждение, а движение

так тягостно, что буддизм естественно вписывается в духовную атмосферу этих стран.

«В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу; такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собой!» (с. 352–353).

Монтескьё отыскивает множество примеров, подтверждающих, казалось бы, его точку зрения: индийцы (индусы) от природы лишены мужества; даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейцам в Европе. Но зато природа, которая лишила их мужества, наделила их таким живым воображением, что это поражает сверх меры. Та же чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности.

Здесь Монтескьё вновь возвращается к мысли, которую он пытался пропагандировать в «Персидских письмах»; все религии одинаково правомерны, несмотря на то, что они разные; все характеры подвластны разным климатическим условиям, и поэтому совершенно разные, тем не менее они не могут быть поделены на дурные и хорошие. У одних хорошо одно, у других — другое. Веротерпимость перерастает иногда в терпимость вообще. Например, можно было бы осудить мусульманское многоженство, но разве лучше парижские легкие нравы? Закон Магомета, запрещающий пить вино, является законом самого климата Аравии; известно, что и до Магомета вода являлась обычным напитком, а вино также было запрещено.

Геродот же говорил, вспоминает Монтескьё, что законы евреев о проказе были заимствованы ими у египтян. Эти законы были неизвестны грекам и первым римлянам, так же, как и сам вызвавший их недуг.

В восторге Монтескьё от англичан: эта нация в виде подарка от своей природы получила некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла ей долго терпеть однообразие. Нетерпеливость сама по себе ничего могла и не значить, но, как замечает французский просветитель, в сочетании с мужеством она стала

великим благом. «Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ощупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой народ не может поддаться сну» (с. 359).

Еще раз нужно напомнить о том, что для всех французских просветителей (да и просветителей вообще) природа — единственное основание человеческой жизни. Человек — существо природное, поэтому в нем все — от природы. Но большинство просветителей считало природными главным образом физиологические потребности, Руссо — чувства (прежде всего любви к другим людям, милосердие, сострадание); Монтескьё же считал — географические компоненты. Именно через влияние климата, почвы, народонаселения природа входит в жизнь человека.

Конечно, наряду с природой, как и у остальных просветителей, другим полюсом, вокруг которого вращаются рассуждения Монтескьё, было просвещение, просвещенное воспитание. Так и появляются законы будущего, справедливость которых обусловлена первоначальным бесконечно справедливым разумом, к которому приближается по мере просвещения и разум человека. Но об этом несколько ниже.

Итак, Монтескьё уделяет громадное внимание и значительное место географическим факторам. «Чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей», «холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным. Это различие можно наблюдать не только при сравнении одного народа с другим, но и при сравнении различных областей одной и той же страны. Народы Северного Китая мужественнее, чем народы Южного Китая; народы Южной Кореи уступают в этом отношении жителям Северной Кореи» (с. 387).

Мы специально привели эту цитату относительно Китая и Кореи для иллюстрации ограниченности географических взглядов Монтескьё, о чем уже писали и говорили многие авторы: климат меняется очень медленно (по крайней мере, до конца XX столетия); политическая же история изменяется гораздо быстрее. И главным образом потому, что не внешняя природа, а внутренняя, в том числе и духовная природа человека меняется (вернее, меняет ее он сам), заставляя его менять и всю природу. Под лозунгом необходимости таких изменений протекли по меньшей мере три века — начиная от Бэкона⁵ и кончая Марксом. И сегодняшние

глобальные изменения климата также обусловлены деятельностью человека, в большинстве своем — бездумной.

Но и для Монтескьё все же в конечном счете географические факторы не являются решающими: ведь «дух законов» складывается из многих составляющих — нравов и обычаев, традиций и культуры, и именно деятельность законодателя по созданию законов задает направление типу общежития людей.

«Многие вещи управляют людьми, — повторим мы: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» (с. 412). И «законодатель должен сообразовываться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делали свободно и в согласии с нашим природным гением» (с. 412). Внушите дух педантизма народу, веселому по своей природе, — и государство ничего не выиграет от этого и для своего внешнего благополучия.

Исключительно важно для законодателя поэтому — проникнуть умом в сущность духа народа и следовать ему. Лучше при этом избегать суровости и крайностей, которые могли бы исказить народный дух: «...дух умеренности должен быть духом законодателя, и мне кажется, что все это сочинение («О духе законов». — Т. Д.) написано мною лишь с целью доказать эту мысль. Политическое благо, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами...» (с. 642).

Но вернемся к началу рассуждений.

Как только люди объединились в общество, а произошло это согласно общественному договору — в этом Монтескьё солидарен с другими просветителями, — они утратили ощущение своей слабости; существовавшее между ними природное равенство исчезло, и началась война. Однако как раз начало войн побуждает установить законы между людьми. Чтобы устранить эту опасность, между разными народами складывается *международное право*; отношение граждан между собой в одном государстве создает *право гражданское*. Эти права, по Монтескьё, предполагают наличие государства; силы отдельных людей не могут объединиться, пока они «не пришли к единству их воли» (предтеча «общей воли» Руссо). Это единство и есть то, что называется гражданским состоянием. Здесь и устанавливаются законы. А на них выстраивается государство.

Монтескьё пытается дать различные определения законов. Еще раз повторим. Одно из них — как выражение природы вещей — или божественного разума, а также человеческого разума, что мы уже рассмотрели. Так, с одной стороны, закон — выражение человеческого разума, «поскольку он управляет всеми народами земли», «а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями, приложения этого разума» (с. 168); т. е. законы — это нечто разумное. С другой стороны, в законах выражена природа вещей, т. е. нечто естественное, природное: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» (с. 163). С третьей стороны, в законах выражается некий первоначальный и более могущественный, чем человеческий, разум, и как раз приближение последнего к первому (окончательное их слияние, конечно, недостижимо) делает возможным наступление прогресса и установление справедливости. «Итак, есть первоначальный разум; законы же — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих разумных существ» (с. 163). И сам акт творения первоначальным разумом и мира, и законов подчиняется, как говорилось, законосообразности: «Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишенного разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться. Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что Творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира» (с. 163).

Мы видим, таким образом, что Монтескьё, как и другие просветители, колеблется между природой и разумом, считая определяющим, по крайней мере в деле установления законов, то одно, то другое, уповая то на силу просвещенного разума, то на силу могущественной природы. Однако в конечном счёте, по его мнению, они сходятся где-то в одной точке. «Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным (естественным. — *Т. Д.*) законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит, утверждать, что до

того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собой» (с. 164).

Причиной того, что человеческие законы нередко бывают несправедливыми, Монтескьё считает ограниченность человеческого разума, что вынуждает людей заблуждаться. «Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом и изменяет те, которые сам установил» (с. 185).

Колеблясь между разумом и природой, человек склоняется поочередно то к тому, то к другому: «Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа (в том, что касается общественных связей. — Т. Д.) (с. 165). Законы, по которым человек жил в естественном состоянии, и есть законы настоящей справедливости — как и другие просветители, Монтескьё считает «естественное, т. е. природное» состояние тем исходным пунктом, от которого надо отталкиваться при построении концепции правового общества и государства. Хотя, разумеется, подобно Руссо, он видит и недостатки естественного состояния (например, природное неравенство), а также то, что, будучи начальным пунктом, оно исчезло в безвозвратной дали, так что в дальнейшем надо уповать на разумное построение «гражданского состояния» и «правового государства» (а не на природу, хотя она и воздействует на людей через географические факторы).

Тот факт, что для Монтескьё не одни лишь географические факторы являются определяющими, доказывается изучением всей книги «О духе законов». Вот еще одно из высказываний: «Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, — что составляет задачу политических законов, — или только поддержание его существования, — что составляет задачу гражданских законов» (с. 168).

Они должны соответствовать как климату, так и качествам почвы, положению страны, ее размерам, но также и — образу жизни народов, степени его свободы, уровню его образованности, нравам и обычаям и, наконец, целям законодателя. Вот это все и есть «Дух законов».

§ 5. Монархия или республика?

В историю философии и политической мысли Монтескьё вошел не столько как один из авторов географического детерминизма⁶ (при этом напомним читателям о том, что различие географических условий не создает неравенства человеческих рас), сколько как один из создателей теории *правового государства*. Этот вклад Монтескьё нельзя недооценить; он имеет значение для всех времен и народов, строящих демократическое государство, в том числе и для нашей страны сегодня.

Приняв за исходный пункт факт перехода людей из естественного состояния в общественное, Монтескьё затем решает задачу наилучшей организации общества. Это — правовое общество, базирующееся на справедливых законах. Какое же общественное устройство можно считать наилучшим? Какие законы — справедливыми? Монтескьё симпатизирует республике, но все же считает лучшим устройством — монархию. В этом он близок Вольтеру. «Есть три образа правления; *республиканский, монархический и деспотический*. Чтобы раскрыть их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди» (с. 169). Здесь Монтескьё немного лукавит, ибо зачем понадобилось бы такое серьезное и фундаментальное исследование, как «О духе законов», если и наименее осведомленным людям все ясно? Ясно только, что «республиканское правление — это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов (даже *это* знает только просвещенный человек, но вовсе не обыватель. — *Т. Д.*); между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица» (с. 169). Республика, по Монтескьё, требует небольшой территории (здесь он опять-таки близок Руссо), иначе она не удержится. В большой по размерам республике будут бóльшие богатства, а следовательно, и неумеренные желания. Круг общественных дел, поручаемых заботам граждан, станет слишком обширным, в связи с чем усилятся личные интересы. Поэтому «сначала человек почувствует, что он может стать счастливым, великим и славным помимо своего отечества, а вскоре убедится, что он может достигнуть величия только один на развалинах отечества» (с. 264). В небольшой республике общее благо живет

осознается, ближе каждому человеку; злоупотребления случаются здесь реже, так как меньше простора и меньше покровительства различным нарушениям.

Республика все же в общем и целом имеет тенденцию к разложению, т. к. «принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности, и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители» (с. 254). «Итак, демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного, и доведенного до крайности духа равенства, который ведет к деспотизму одного так же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием» (с. 255).

В республике — все равны и все имеют право избирать, хотя избранными могут быть далеко не все (а наиболее способные к управлению). При демократии (хотя республика может быть и аристократической) народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых подданным. Государем он является только в силу *голосований*, при помощи которых он изъявляет свою волю. Поэтому законы, определяющие правило голосования, — *основные для республики*. Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может сам выполнить, он должен осуществлять через посредство своих *уполномоченных*. Но последние назначаются самим народом, т. е. *все должностные лица* государства назначены народом.

Монтескьё оставляет открытым вопрос, каким образом будут происходить выборы: то ли весь народ будет собираться «на форум» (над чем впоследствии будет мучиться Руссо), то ли еще как-то. Но для него бесспорно, что республика — наиболее идеальное состояние, хотя — именно потому, что она — идеальное, она скорее обретается в туманном гипотетическом будущем, нежели в реальном. Принцип республики — любовь к отечеству, и заметим, что любовь к отечеству в данном случае Монтескьё совсем не случайно отождествляет с любовью к равенству: в республике все граждане равны, все имеют равные права. Кроме этого все обладают равной собственностью, причем мелкой. Правда, подчеркивает французский мыслитель, равный раздел земель возможен не для всех демократий; есть обстоятельства, когда такая мера была бы неудобна и даже опасна и могла бы по-

колебать государственное устройство. Согласно Монтескьё, дело в том, что равный раздел преследует цель охранения нравов. Но их можно сохранить и другим способом — например, создать сенат, который будет образцом в области нравов. Тогда не будет необходимости в установлении равенства.

Видно, что взгляды Монтескьё далеки от взглядов Руссо; он не считает экономическое равенство таким уж необходимым прежде всего потому, что его идеал — не республика. И еще потому, что «хотя в демократии действительное равенство есть душа государства», но его так трудно установить, что слишком большая точность в этом отношении не всегда желательна» (с. 200). Достаточно будет, если установлен ценз, определяющий и ограничивающий до некоторой степени различия; после этого специальные законы должны уравнивать неравенство посредством налогов на богатых и льгот бедным (нам не мешало бы прислушаться к этим словам Монтескьё).

Переходя к политике, он заявляет, что «существенно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его» (с. 170). Каким образом это определить, опять-таки остается не до конца понятным. Монтескьё совершенно уверен (хотя нам может это показаться иным), что народ *безошибочно* выбирает тех, кто обладает особыми талантами к управлению, как выбирает полководца по его победам. Но здесь его надежды более утопичны, чем реальные.

Необходимо, далее, как думает Монтескьё, разделить народ на несколько классов: «В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности такого разделения и зависела всегда прочность и процветание демократии» (с. 171). Например, Сервий Туллий⁷ создавал классы, руководствуясь аристократическим принципом; Солон разделил афинский народ на четыре класса: «Руководствуясь демократическим духом, он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны» (с. 171). На более высокие государственные посты могли быть избраны лица только первых трех зажиточных классов. «Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики» (с. 172).

Но как же все-таки выбирают на руководящие посты? — По Монтескьё, когда голоса подает народ, голосование должно быть открытым, в этом одно из достоинств демократии. «Поэтому когда в римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться» (с. 171). К основным законам демократии Монтескьё относит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу, хотя иногда бывают эффективны и постановления сената, но только постановления.

При аристократическом республиканском правлении верховная власть находится в руках группы лиц; лучшая аристократия — та, где часть народа, не принимающая никакого участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее. Аристократические роды, насколько это возможно, должны сближаться с народом. Аристократия тем лучше, чем она более приближается к демократии, и тем хуже, чем она более близка к монархии. Худшая из аристократий та, где часть народа находится в гражданском рабстве у той, которая повелевает, какова, например, аристократия Польши, где крестьяне — рабы дворянства.

Мы видим, что симпатии Монтескьё — на стороне демократической республики. Но тем не менее он считает, что гораздо более эффективным государственным устройством будет не республика, а монархия, подчиненная действию справедливых законов. Республика неустойчива потому, что равенство заставляет каждого стремиться выдвинуться перед другими, поэтому демократия всегда чревата аристократией. Французский просветитель хочет найти примеры удачного республиканского правления в древности, он обращается к Афинам и Риму. Он пытается, далее, показать экономическое превосходство республиканского строя. Он заявляет, что гражданское и экономическое равенство содействует благополучию страны. Но в республике правит народ, который подчинен страстям, а не голосу разума. Поэтому в дополнение к народному правлению нужно создать республиканское учреждение, которое само явится образом и правилом в области нравов, например, сенат, доступ в который открывается возрастом, добротой, степенностью характера, заслугами; такие сенаторы подобны богам, они призывают народ сохранять обычаи старины. В сенат даже надо выбирать пожизненно, чтобы сенаторы служили образцом нравов. Некоторых сенаторов — скажем, для подготовки

дел — можно избирать на определенный срок. Опять мы видим, как мысль Монтескьё колеблется между непросвещенной чернью и образованным управляющим слоем; фигуры его сенаторов очень похожи на фигуру законодателя Руссо. Эти колебания заставляют Монтескьё склоняться в сторону монархии. Одна из причин такого его пристрастия — тенденция к разложению в демократических государствах. В этом случае народ отказывается признавать им же самим назначенные власти, а хочет все делать сам: совещаться вместо сената, управлять вместо чиновников, судить вместо судей. Из этого высказывания видно, что несмотря на то, что хотя Монтескьё утверждает как будто права народа, эти права относятся в основном к голосованию и выборам исполнительной власти. К последней относятся судьи, сенаторы, чиновники. И народ должен их уважать, иначе республику ждет гибель.

Есть несколько путей ее гибели — первый тот, о котором уже сказали — когда народ не уважает избранных им самим управляющих лиц — он начинает грабить казну, он пытается совместить бедность с наслаждениями роскоши; «но при его лени и жажде роскоши единственной целью его стремлений может быть только общественная казна» (с. 55). К этим же действиям народ дополнительно побуждают алчные правители, которые, «чтобы он не заметил их властолюбия, постоянно потакают его собственной алчности. Разврат будет усиливаться среди развратителей и тех, которые уже развращены» (с. 255). Очевидно, что Монтескьё боится перерождения демоса в охлос, а последний — создает условия для деспотизма.

Вследствие этого для него предпочтительней не республика, а монархия, которая «должна быть средней величины» по размеру территории.

Конечно, Монтескьё не кривил душой, предпочитая монархическое правление, просто он имел в виду монархию, а не деспотию и не тиранию. Монархия более устойчива, чем республика, по его мнению, и по той причине, что здесь существует несколько сословий, каждое из которых занимает свое, строго определенное место, и подобная пирамида скрепляет единство нации. Кроме того (так думал и Вольтер), одного человека — монарха — легче просветить, чем многих. Приказы и распоряжения выполняются в силу этого значительно быстрее и продуктивнее. В монархии источником всякой политической и гражданской власти является государь, но это лицо правит с помощью справедливых законов.

«Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства» (с. 176). Монтескьё хорошо понимает, что с монархией дворянство связано глубокими внутренними узами: нет монархии, нет и дворянства, и наоборот. Более того, и духовенство занимает в монархии свое место: «Насколько власть духовенства опасна в республике, настолько она уместна в монархиях, и в особенности в тех из них, которые склоняются к деспотизму» (с. 176). Он стремится, таким образом, к компромиссу сословий, включая затем и промышленное — пример чему подала Англия.

Для того, чтобы лучше понять природу монархии, Монтескьё сравнивает ее с деспотией; вот последняя-то не имеет никакого права на существование. Деспот, которому все его пять чувств постоянно твердят, что он — всё, а прочие люди — ничто, ленив, невежественен и сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами, а поручает их другим, и чтобы не настал период распрей, из льстецов назначается один главный «визирь» (премьер-министр и т. п.).

При сравнении всех трех форм государственного правления постепенно выясняются другие их отличительные черты: «Природа республиканского правления заключается в том, что там верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств; природа монархического — в том, что там властью обладает государь, управляющий, однако, в соответствии с установленными законами: природа деспотического образа правления в том, что там управляет одно лицо по своей воле и прихотям» (с. 179). Монтескьё вынужден признать, что в монархии существует минимальное количество добродетелей; «законы заменяют здесь все эти добродетели, ставшие ненужными; государство освобождает всех от них» (с. 182).

Но Монтескьё не хочет, чтобы думали, будто он пишет сатиру на монархическое правление. «Нет, взамен одного двигателя (любви к равенству. — Т. Д.) у него есть другой — *честь*. «Честь может вдохновлять там людей на самые прекрасные деяния и в соединении с силой законов вести их к целям правительства не хуже самой добродетели» (с. 183), — убеждает он. В хорошо управляемых монархиях почти каждый человек является хорошим гражданином, зато мы редко найдем там человека, обладающего политической добродетелью: чтобы стать таковым, надо любить государство больше, чем собственную пользу. Но в монархии

это почти невозможно, т. к. монархическое правление предполагает наличие чинов, преимуществ и даже родового дворянства; природа *чести* требует предпочтений и отличий. Честолюбие, губительное для республики, благотворно для монархии; оно не опасно для нее и может обуздываться там монархом и законами.

Правда, с философской точки зрения, оправдывается Монтескьё, такая честь — ложная честь, но все же и она полезна для общества, и к народу в монархии относятся с должным уважением.

Подобно республике монархия может утрачивать силу, разлагаться. «Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество, изменяя порядок вещей, чем соблюдая его неизменным, когда он отнимает у одних принадлежащие им по праву должности, чтобы произвольно передать их другим... Монархия погибла, когда государь, все относя единственно к самому себе, сводит государство к своей столице, столицу к своему двору, а двор — к своей особе» (с. 258).

Принцип монархии разлагается, когда высшие должности в государстве становятся последними ступенями рабства, когда сановников лишают уважения народа и обращают их в жалкое орудие произвола; монархический строй погибает также и в том случае, если государь подменяет справедливость суровостью. Деспотизм же с самого начала обречен на гибель; для деспотического правительства нужен *страх* и беспрекословное подчинение. Здесь вовсе нет законов, которым подчиняется сам монарх. Здесь у человека один удел с животными — инстинкт, повиновение, подчинение, наказание. В умеренной же монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, т. е. *честью*, которая, как монарх, господствует и над государем, и над народом.

В связи с различием в трех образах правления их собственных принципов Монтескьё выделяет, как и всякий просветитель, воспитание — для каждого свое. Например, в монархиях воспитание получают в основном не в публичных школах; *свет* — вот настоящая школа воспитания, и наставником здесь является *честь*. В этой «школе», как подчеркивает мыслитель, требуются три вещи: известное благородство в добродетели, известная искренность в нравах и известная учтивость в обращении. Монтескьё, таким образом, видит всю неполноценность подобного воспитания: «В поступке здесь ценят не доброе чувство, а показную красоту... И справедливость» (с. 188).

В монархических государствах воспитание стремится вселить в людей дух высокомерия, а в деспотических старается их унижить и подчинить, превратить в рабов. Но ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республиканское правление. «Законы воспитания — это первые законы, которые встречает человек в своей жизни» (с. 187). Если страх в деспотии зарождается сам собой, честь находит опору в страстях человека, то в республике «добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение» (с. 191). Лишь в демократиях развивается такая любовь, только там управление вверяется каждому гражданину. Воспитание и должно привить такую любовь.

Монтескьё в связи с этим вновь обращается к античной истории, ища в ней подтверждение своим идеям. Он восхваляет Ликурга⁸, хотя указывает и на его слабости: Ликург смешал грабеж с духом справедливости, беспощадное рабство — со свободой, свирепые чувства с высочайшей умеренностью, но все же добился для Спарты устойчивости; такими законами управлялся и Крит.

В античных республиках любовь к равенству и умеренности доводится до высшей степени самими же равенством и умеренностью. В монархиях и деспотиях никто не стремится к равенству; там, говорит Монтескьё, это никому не приходит в голову. Для того, чтобы полюбить умеренность и равенство, нужны соответствующие законы и воспитание. Прежде всего это касается всеобщего избирательного права, и об этом уже говорилось. Затем это касается равенства экономического — эта тема не главная для Монтескьё, но он и ей уделяет некоторое внимание.

«В благоустроенной демократии земельные участки должны быть не только равными, но также и небольшими, как у римлян» (с. 201). Как равенство состояний поддерживает умеренность, так умеренность поддерживает равенство состояний. Хотя это вроде бы совершенно различные вещи, но, согласно Монтескьё, одна без другой существовать не может; каждая из них представляет собой и причину, и следствие. Если одна покидает демократию, то и другая уходит вслед за ней.

В ходе исследования наилучшего способа государственного правления Монтескьё естественно обращается не только к географическому фактору, но и к экономике. Теперь он как бы вносит

некоторые коррективы в свой географический детерминизм. Так мы помним, что благоприятная почва делает людей ленивыми, и, таким образом, богатство страны оказывается зависящим от трудолюбия людей. Глава VI книги XVIII «Духа законов», хотя она и не очень велика по объему, по содержанию глубоко прорабатывает эту тему: страны, которые стали обитаемы благодаря труду человека и существование которых поддерживается этим же трудом, стремятся к умеренному правлению. Есть три главные страны такого рода: две прекрасные провинции Китая (Цзаннань и Чжезузян), Египет и Голландия. Благодаря труду и хорошим законам люди сделали землю более удобной для обитания. Реки текут там, где прежде были лишь болота да озера. «Это благо, которое не создано природой, но ею поддерживается» (с. 396); — обратим внимание на последнее высказывание. Видно, что Монтескьё привлекает теперь та точка зрения, с позиций которой благополучие людей обеспечивается их собственным трудом. Европа не имела бы ни одного из своих преимуществ, если бы ее земли не обрабатывались. У дикарей их страна обычно покрыта лесами и усеяна болотами, а племена образуют лишь небольшие народы.

Говоря о труде, Монтескьё все же на первое место ставит его моральное значение. Пастушеские или кочевые народы неспособны к объединению, поэтому они менее образованы, невежественны, неспособны к добродетельным поступкам, неспособны к деятельности.

Вслед за меркантилистами⁹ Монтескьё обращает большое внимание и на торговлю. С его точки зрения, именно торговля, а не промышленность, создает развитое общество. Вообще «естественное действие торговли — склонять людей к миру». Между торгующими странами устанавливаются доброжелательные соседские отношения, дух торговли соединяет народы. К сожалению, он не соединяет частных лиц. Как и впоследствии Гельвеций, Монтескьё полагает, что там, где все становится предметом торговли, оказывается, что дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабежам, а с другой — способствует тем моральным добродетелям, «которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей» (с. 433).

Необходимо, следовательно, чтобы государство издавало законы, способствующие развитию торговли. Монтескьё освещает экономическую тему с различных сторон: он говорит и о законах, стимулирующих развитие торговли, и об отсталости народов, избегающих торговли. Он изучает страны, с какими следует торговать, а с какими — нет; выясняет роль банков, освещает, в чем состоит свобода торговли и т. д. Свобода торговли, в частности, заключается не в том, чтобы дать волю купцам делать все, что им угодно, «это было бы скорее рабством торговли» (с. 439). И опять — многочисленные примеры из истории Рима, Афин, Франции, Англии, чтобы показать, какую роль играет торговля. Очень важным событием для торговли было открытие Америки. Это же имело следствием сближение Азии и Африки с Европой. Европа стала получать из Америки материал для своей торговли. Плавание в Африку стало необходимым средством добычи рабов для обработки американских земель и рудников. Появляется и серебро. В связи с этим освещается тема денег.

К. Маркс в свое время критиковал Монтескьё за то, что, согласно его воззрениям, стоимость золота зависит от количества его в обращении. Маркс говорил в этой связи о том, что тогда товары вступали бы на рынок без стоимости, что невозможно. В то же время заслуга Монтескьё в том, что он видит: первоначально у первобытных народов в качестве денег выступали овцы, другой скот, раковины и т. п. И лишь постепенно с развитием цивилизации в качестве эквивалента начинают появляться золото и серебро, а затем и бумажные деньги.

Монтескьё показал себя в «Духе законов» не только тонким политиком, но и блестящим экономистом: он досконально понимает значение ссуд, долгов, банковских векселей, бумаг, права наследования, других ценных бумаг, о которых он имеет представление не понаслышке, а благодаря своей неутомимой деятельности в бордосском парламенте.

Подводя итог сказанному, следует заметить, что Монтескьё совершенно справедливо придает огромный смысл политике народовластия. Но вряд ли выдвинутый им в качестве основы монархии принцип чести действительно придает монархическому правлению эффективный и устойчивый характер. Скорее в этом на Монтескьё оказывает магическое воздействие статус дворянина и прежние исторические заслуги дворянства и дворянские доблести. Аристократ, воспитанный в родовом поместье, вдали

от пагубного парижского общества, он еще мечтал о спасении монархии на основе принципов чести, дворянского достоинства, образованности. Недоверие к народу (которое смог преодолеть только Руссо) подкрепляло его надежды. Их укрепляло и благополучное состояние английской конституционной монархии, по образцу которой Монтескьё собирался построить будущее французское государство. Он ведь усматривал в существовании справедливого государства воплощение божественных установлений, установлений объективного вечного разума.

Нельзя не обратить внимание ещё на один момент, скрытый внутри теории о государстве, разработанной Монтескьё. Он достаточно важен: для него государство — не Левиафан, которому безоговорочно должны подчиняться граждане и который волен проглотить кого угодно из них. Государство не может и даже не должно подавлять их, потому что покоится на их добровольном соглашении, и даже тогда, когда становится монархией, сохраняет народ в качестве главной, избирающей власть силы и в качестве части законодательной власти. Не самоограничение каждым с передачей отчуждённых прав третьей стороне — государству — является источником существования последнего. Вовсе нет, только объективные законы, влекущие каждого индивида к сочувствию и желанию жить вместе и в мире с другими, создают государство. Для Монтескьё общественный договор создаёт гражданское состояние, которое и есть государство. Употребляя эти два разных понятия, фактически он отождествляет их, сводя общество к государству. Но оно должно быть правовым государством. Самое существенное достижение великого французского просветителя — это выяснение содержания понятия государства, прежде всего правового государства.

§ 6. Разделение властей — фундамент правового государства

Конечно, Монтескьё, будучи образованным и эрудированным человеком, был хорошо осведомлен о достижениях прошлой политической мысли. Он изучал и Макиавелли, и Пуффендорфа¹⁰, и Гуго Гроция¹¹. Но особенно сильное влияние на него оказали взгляды Джона Локка¹²; во-первых, потому, что Монтескьё казалась наиболее удачным государственным устройством английская монархия, а Локк был выразителем компромисса ее сословий.

Во-вторых, потому что его привлекал выросший на английской почве принцип разделения властей, обоснованный Локком в «Двух трактатах о правлении», известных также как сочинение «О государственном правлении», книгу вторую которого составляет изложение мыслей о правлении. Книга была опубликована в Англии в феврале 1690 г. анонимно. На основных идеях Локка относительно иерархии и соотношении властей базируется сегодня весь цивилизованный мир; основывался на них и Монтескьё. Что же привлекает его наиболее пристальное внимание? Локк, как и многие другие политические мыслители XVII–XVIII вв., исходил из естественного состояния человека и предполагал, что, отказываясь от части своих прав, народ передает их в руки государства, которое начинает защищать теперь уже ставшие гражданскими права. Общество становится третейским судьей и устанавливает беспристрастные правила, одинаковые для всех граждан. Люди, объединенные в одно целое, имеют общий установленный закон и одно судебное учреждение, куда можно обращаться с различными вопросами и которое также наделено властью разрешать споры и наказывать преступников. Это и есть гражданское общество. Соглашение, или общественный договор, переносит людей из естественного состояния в гражданское общество. Общим судьей является законодательная власть, или назначенное ею должностное лицо (лица), т. е. та же законодательная власть.

Очень интересны вписывающиеся в данный контекст рассуждения Локка о том, что «абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, вообще не может быть формой гражданского правления»*. По Локку, недостаток неограниченной монархии заключается как раз в том, что монарх, он, «и только он, обладает и законодательной, и исполнительной властью, и нельзя найти такого судью и не к кому обратиться, кто бы мог справедливо, и беспристрастно, и авторитетно рассудить, и на основании решения которого можно ожидать помощи или возмещения любого ущерба...» (с. 52). Такой человек, каким бы титулом он ни назывался, обладает абсолютной властью, а она вовсе не очищает кровь людей и не исправляет низость человеческой природы. Напротив, она развращает человека

* Локк, Дж. Избр. филос. произведения. — М., 1966. — С. 52. В дальнейшем ссылки на работу Локка даются по этому изданию.

и уничтожает в его душе принципы справедливости. Поэтому «до тех пор, пока законодательная власть не будет отдана в руки коллективного органа, который можно называть сенатом, парламентом, или как угодно» (с. 55), никто не будет чувствовать себя в безопасности как находящимся в гражданском обществе, а скорее почувствует себя самым ничтожным из людей.

Как видим, Локк выступает, с одной стороны, против абсолютной власти. С другой стороны, он — за разделение властей. Англия показала пример того, что монаршая власть должна быть ограничена, и ограничивается она коллективной властью — парламентом, который одновременно представляет собой законодательную власть и, что самое важное, власть, которая отделена от исполнительной и судебной властей. Источником как законодательной, так и исполнительной властей является желание индивидов сохранить свою жизнь и свою собственность. Народ может передать законодательную власть в руки нескольких лиц, и тогда это будет олигархия; если в руки одного человека — монархия. Но если законодательная власть первоначально была передана кому-либо большинством голосов на ограниченное время, то затем она должна снова вернуться к большинству, чтобы народ смог передать ее в иные руки и создать новые формы правления. Форма правления, по Локку, зависит от того, у кого находится верховная власть, а верховная власть — это *законодательная* власть. Самым первым и позитивным установлением общественного порядка и является, по Локку, именно установление законодательной власти. Фактически ею должна быть лишь «соединенная власть всех членов общества, переданная тому лицу (или лицам. — Т. Д.), которые являются законодателями» (с. 77). Деспотическая власть вообще не соответствует целям общества и правительства; ведь люди отказались от свободы естественного состояния и связали себя узами только ради сохранения жизни, собственности и свободы. А если их не будет, если все отберет деспот, то зачем было объединяться? Таким образом, правящая власть должна управлять с помощью объявленных и установленных законов, а не импровизированных приказов и неопределенных решений. Так появляется исполнительная власть, которая и исполняет все законы, намеченные законодательной.

Что особенно подчеркивает Локк — это то, что законодательная власть не может лишить какого-либо гражданина собственности без его согласия. Таким образом, закон и собственность тесно

связаны — закон и вырастает на фундаменте собственности. «Именно в своем законодательном органе члены государства соединены и объединены все вместе в одно связанное живое тело. Это та душа, которая дает форму, жизнь и единство государству... Создание законодательного органа является первым и основным актом общества...» (с. 119).

Законодательная власть имеет право указывать, каким образом должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества. Но так как законы создаются за- и на- сравнительно короткое время, то нет никакой необходимости, чтобы законодательный орган действовал все время — и тогда, когда ему нечего делать. Кроме того, все дурное в человеческой природе может побуждать членов законодательной власти присваивать себе и исполнительную власть, чтобы сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими самими законам и преследовать только личную выгоду. Вот почему в хорошо устроенном государстве, как это, по Локку, и должно быть, законодательная власть передается в руки самых разных лиц, которые, собравшись вместе, создают законы. Когда же они исполнили это, то разделяются, сами подпадают под действие этих законов. Но так как законы требуют исполнения, надо, чтобы была создана другая, исполнительная власть.

Хотя законодательная власть является верховной и главной, за народом сохраняется право отстранять от действий или изменять состав законодательного органа, если народ видит, что он действует вопреки оказанному ей доверию. И вот слова, говорящие о необходимости подотчетности также и исполнительной власти: «Исполнительная власть, если она находится где угодно, но только не в руках лица, которое участвует также и в законодательном органе, явно является подчиненной и подотчетной законодательной власти и может быть по желанию изменена и смещена; это значит, что высшая исполнительная власть не находится вне субординации» (с. 87).

Нет необходимости, чтобы законодательная власть действовала непрерывно; но это требуется исполнительной власти. Все время Локк подчеркивает право народа выбирать заново законодательный орган. «Право созывать и распускать законодательный орган — право, которым обладает исполнительная власть, — не дает исполнительной власти верховенства над законодательной, а яв-

ляется просто доверенным полномочием, данным ей в интересах безопасности народа...» (с. 89).

Локк вводит в политическую теорию один новый любопытный термин — «прерогатива» — это право издавать законы и собирать законодательное собрание. Можно сказать, что в Англии право созывать парламент является прерогативой короля, хотя предполагается, что эта прерогатива будет использована на благо народа. Но вот *между* действующей исполнительной властью и законодательным органом нет никакого другого судьи, кроме народа. «Когда один или несколько человек возьмутся составлять законы, не будучи на то уполномочены народом, то созданные ими законы не имеют силы, и народ отказывается им повиноваться» (с. 119). Отсюда видно, что именно народ по сути дела является сувереном в государстве.

Мы не ставим своей целью подробно осветить все нюансы, которые вытекают у Локка из принципа взаимоотношений законодательной и исполнительной властей (есть еще федеральная, но она не столь важна, т. к. ее функция — отношения с другими государствами); самое важное заключается в том, что власти *разделены* и что *народ* — суверен). В разных сложных условиях народ всегда «вправе позаботиться о себе, создав новый законодательный орган, отличающийся от прежнего или составом, или формой, или же и тем, и другим, в зависимости от того, что народ сочтет более соответствующим интересам его безопасности и блага» (с. 122).

Итак, народ вершит власть, хотя страна — парламентарная монархия. От Локка пойдет Руссо, назвавший народ сувереном, а акт принятия закона — актом суверенитета. От Локка будет двигаться и Монтескьё, хотя, может быть, более осторожными шагами. Как и Локк, как и другие французские просветители, Монтескьё исходит из общественного договора, заменившего естественное право гражданским правом. Каждый ожидает от общества защиты: «Для гражданина политическая свобода есть душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности. Чтобы обладать этой свободой, необходимо такое правление, при котором один гражданин может не бояться другого гражданина»*. Появляется власть, охраняющая каждого члена

* Монтескьё, Ш. О духе законов // Монтескьё, Ш. Избр. произведения. — М., 1955. — С. 290. В дальнейшем страницы указываются по этому изданию.

общества, и право как таковое, утверждающее эту защиту как обязанность общества.

Развивая мысли Локка, Монтескьё также настаивает на *разделении* властей. В каждом государстве, пишет он, есть три рода власти: законодательная, исполнительная — международная, а также исполнительная, ведающая вопросами гражданского права, и судебная. По глубокому убеждению французского мыслителя три власти (в стороне остается международное право) должны быть *строго отделены* одна от другой.

Бесспорной заслугой Монтескьё следует считать то, что он подробно рассмотрел все возможные случаи нарушения принципа разделения властей. Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице (или учреждении), то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх (или сенат) станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если они соединены с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. В том же случае, когда судебная власть соединена с исполнительной, судья получит возможность стать угнетателем.

Напомним, что свобода, по утверждению французского мыслителя, не является возможностью делать всё, что угодно; свобода — это возможность делать всё, что не запрещено законом. Кроме того, наша политическая свобода заключается в безопасности, а она зависит от доброкачественности уголовных законов, последние связаны с общими политическими законами; они определены демократическими Конституциями стран. Об этом Монтескьё прямо говорит: политическая свобода «устанавливается известным распределением первых трёх властей, а затем зависит от уголовных законов».

Вывод, который делает Монтескьё, таков: «Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц» (с. 291).

В большинстве европейских государств, где граждане живут под властью справедливых законов (имеется в виду прежде всего

Англия), эти три власти разъединены. Государи же, стремящиеся к деспотизму, всегда начинают с того, что объединяют эти власти в своем лице.

Монтескьё считает принцип разделения властей самой важной гарантией прочного и, главное, справедливого государственного устройства. Ещё раз надо сказать, что хотя он употребляет два различных понятия — гражданское общество и правовое государство, — для него главный интерес представляет правовое государство. Он не выделяет особо, подобно Руссо, гражданское общество как особую сферу всеобщей воли, где сувереном является народ, утверждающий или отвергающий законы, и где лишь над гражданским обществом, принимающим Основной закон — Декларацию или Конституцию страны, включающую в себя права на жизнь, свободу, частную собственность и защиту от посягательств на личность, — надстраивается государство. Государство, по Монтескьё, можно считать правовым в той мере, в какой оно законами подкрепляет право каждого лица на свободу, жизнь и собственность. Идеал Монтескьё — правовое государство (т. е. гражданское общество), и как раз для того, чтобы государство стало таким, необходимо разделить власти. Рассмотрим эти три власти в отдельности.

В главе VI книги XI, озаглавленной «О государственном устройстве Англии» (хотя Англия в данном случае всего лишь образец для других стран), Монтескьё пишет: «В каждом государстве есть три рода власти — власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая законами права гражданского... Последнюю можно называть судебной, а вторую — просто исполнительной властью государства» (с. 290). В монархии все законы принимаются законодательной властью, осуществляемой законодательным собранием. Вот здесь и открывается стремление Монтескьё к компромиссу между новыми и феодальными слоями общества. Что представляет собой законодательная власть? — Ввиду того, замечает Монтескьё, что в свободном государстве каждый человек, который считается свободным, должен управлять собой сам, законодательная власть должна бы принадлежать всему народу. Но т. к. в больших государствах, по мнению Монтескьё, невозможно это сделать, т. е. невозможно собрать весь народ вместе, а в малых это связано с большими неудобствами,

то лучше было бы, чтобы народ избирал своих представителей в законодательное собрание.

Монтескьё подчеркивает преимущества представительной демократии: «Большое преимущество избираемых представителей состоит в том, что они способны обсуждать дела. Народ для этого совсем непригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии» (с. 293). Вообще все участие народа в правлении должно быть ограничено избранием представителей; последнее народу вполне по силам, так как полагает (скорее всего ошибочно) философ, всякий способен отличить достойного от недостойного.

Итак, одну часть законодательного корпуса составляют представители народа. Но другую, не менее важную часть, составляет знать — не забудем, что Монтескьё предпочитает монархию.

Во всяком государстве, убежден он, всегда есть люди, отличающиеся преимуществами рождения или богатства; это дворяне. И если бы они смешались с остальным народом, то имели бы, как простые смертные, по одному голосу, что было бы несправедливым. Общая свобода стала бы для них рабством (уравниловкой?), и они не были бы заинтересованы в ее защите. Поэтому доля их участия в законодательстве должна соответствовать их преимуществам, а для этого они должны образовать особое собрание, получающее право отменять решения народа (правда, и народ имеет такое право). «Таким образом, законодательная власть была бы поручена и собранию знатных, и собранию представителей народа, каждое из которых имело бы свои отдельные от другого совещания, свои отдельные интересы и цели» (с. 294). Собственно говоря, во всех странах парламент и устроен по принципу двухпалатности. Но, согласно Монтескьё, законодательный корпус, состоящий из знатных, должен быть наследственным, потому что он является таким по самой своей природе. Все же эти «палаты» не равноценны по значению: наследственная законодательная власть имеет право только *отменять* (право вето), а не постановлять (законы) — это делается для того, чтобы она не развратилась, например, освобождая себя от налогов. Право одобрения при этом сводится лишь к заявлениям об отказе пользоваться правом отмены.

«Законодательное собрание (обе “палаты”) должно регулярно собираться, хотя нет необходимости, чтобы оно постоянно находилось в действии. Это слишком затрудняло бы исполнительную власть, кроме того, тогда все изменения в его личном

составе сводились бы только к замещению умерших лиц. А на самом деле народ, не удовлетворенный деятельностью данного законодательного собрания, смог бы избрать другое».

Законодательное собрание, далее, должно собираться по собственному усмотрению; вместе с тем оно не имеет права останавливать действие исполнительной власти. Наоборот, «если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти» (с. 296). Законодательное собрание не имеет также права судить поведение лица, отправляющего исполнительную власть, необходимую государству, иначе законодатели сделались бы деспотами. И тогда государство было бы не монархией, а республикой, а для Монтескьё несомненны преимущества именно монархии.

С этих позиций «исполнительная власть признается властью в руках монарха, так как эта сторона правления, почти всегда требующая действия быстрого, лучше выполняется одним, чем многими» (с. 295). Одновременно министры и прочие исполняющие власть чиновники легче могут быть наказаны за злоупотребления. Власть монарха опять-таки состоит только в праве *отмены* каких-либо законов и решений, иначе оказалось бы, что он представляет законодательную силу.

Особо подчеркивается, что исполнительная власть не должна никаким способом влиять на налоги и вообще на привилегии, иначе она превратилась бы в законодательную. Зато ей принадлежит прерогатива распоряжения армией, однако нужно, чтобы войска представляли собой народ, как это было в Риме, и войско не должно быть составлено из отбросов общества.

Что касается судебной власти (пока все ещё речь идет о монархическом устройстве), то судьи выбираются из народа в известное время года и на известное время; судьи не подчиняются ни законодательной, ни исполнительной властям. Судебная власть сменяема, и таким образом «она становится невидимой и как бы несуществующей» (с. 292). Тем самым она перестаёт быть страшной. Тем более что в случаях важных обвинений преступник имеет право выбирать себе судей. Однако если состав суда не должен быть неизменным, то в приговорах, наоборот, должна царить неизменность, т. е. они должны опираться на текст законов, а не на частные мнения судей. Правда, надо принимать во

внимание одно исключение: люди знатные всегда возбуждают к себе зависть, поэтому, если бы они подлежали народному суду, им грозила бы опасность. Для того, чтобы избежать её, надо, чтобы их судил особый суд — та часть законодательного собрания, которая составлена из знати. Таким образом, в данном случае мы видим соединение двух ветвей власти.

Монтескьё говорит и о республиканском устройстве, имея в виду республику Рима. Республика может быть и демократической (вся власть принадлежит народу), и аристократической (власть принадлежит части населения). Республиканское устройство подходит небольшим территориям. Законодательная власть, например, народное собрание республики Рим, состояло из сенаторов, патрициев и плебеев; Монтескьё говорит здесь о том, что плебеи завоевали себе право издавать законы и без участия патрициев — это и был так называемый плебисцит. Но Сенат, законодательная власть, которую также избирал народ, в том числе и плебеи (которые прекрасно знали достойных избрания лиц) имел право назначать диктатора. Народ же оставлял за собой право избирать должностных лиц и утверждать распоряжения Сената. Монтескьё подчёркивает, что голосование народа должно быть всеобщим и открытым — в этом основной принцип демократии. Когда судебная власть действовала в республике, то плебеи судили только преступников по денежным штрафам; тяжёлые преступления карались по решению большинства членов народного собрания.

Заключает эти рассуждения Монтескьё довольно пессимистически: «Все человеческое имеет конец, и государство, о котором мы говорим, утратит свою свободу и погибнет, как погибли Рим, Лакедемон и Карфаген; погибнет оно тогда, когда законодательная власть окажется более испорченной, чем исполнительная» (с. 300). А если они будут испорчены обе одинаково? — зададим мы вопрос Монтескьё. На этот вопрос ответа нет. В данном разделе философ внимательно исследует судебные инстанции древности — Рима, Карфагена с целью найти там достойные подражания примеры.

Таким образом, французский просветитель убежден в том, что коль скоро общественная жизнь представляет собой объективный закономерный процесс, объективны и действия властей. Их разделение — условие наиболее благоприятного существования государства, которое может оцениваться как правовое только вследствие действия справедливых законов, направленных на

благо всех членов общества, прежде всего на защиту жизни и частной собственности.

Конечно, как и другие просветители, Монтескьё не избежал известных противоречий: законы, с его точки зрения, и объективно существуют, и создаются законодателями (шире — народом). Он несколько преувеличил и роль географического фактора, он критиковал не монархию, а некоторые установления монархического правления. Он продолжал защищать права дворянства. И, тем не менее, как политик Монтескьё вписал новую страницу в теорию политических учений. Он пытался по-своему определить республику и монархию — посредством принципов равенства и чести. Он попытался доказать, что в монархии легче следовать справедливым законам и легче исполнять предписания законодательной власти. Он попытался, наконец, в деталях разъяснить, почему законодательная власть должна быть отделена от исполнительной и от судебной, почему судебная не может быть связана с исполнительной. Монтескьё ввёл в политологию совершенно новое по своему значению понятие «духа законов», имея в виду объективные общественные закономерности. Они вбирают в себя народные традиции, верования, предания старины, географические условия, способ хозяйствования этой страны и её законы, созданные справедливым законодателем. Он подчеркнул далее необходимость участия народа в действиях законодательной власти, по крайней мере, с помощью всеобщего голосования.

Все это — дальнейшая разработка теории правового государства. Обоснование правового государства как обоснование принципа разделения властей принадлежит к неоценимым заслугам Монтескьё еще и по той причине, что они пронизаны гуманизмом,

«Причинно-детерминационные идеи совпали в его картине мира с моралистическими; оба течения берут свое начало в Просвещении, в перенесенных на человеческую жизнь законах естествознания, и связаны с моральным протестом против властной и агрессивной политики. Но хотя это гуманистически-просветительское влияние было еще очень сильно, оно переплеталось с историческими требованиями его (Монтескьё. — *Т. Д.*) эпохи... Его сочинения выглядят как своеобразный спектакль мысли, который стирает границу между теорией и историей и помогает соединить просветительские принципы с открытым взглядом на необходимость исторического развития, с огромным интересом к праву особого существования конституций, государств и на-

родов», — пишет Фриц Шальк в своем предисловии к книге “Die französischen Moralisten” (Leipzig, 1949. S. XXXII).

«Нельзя поэтому не увидеть, — продолжает он, — что несмотря на историческую обусловленность его учения, ограничивающую его, он завоевал огромную популярность исторического мыслителя; что хотя он и не смог свести отдельную индивидуальность ни к какой всеобщности, сферу индивидуального — институтов, народов — он изучил так детально и объективно, что почти вошел в современное описание истории» (Ibid. S. XXXI).

Работ о Монтескье чрезвычайно мало, и это требует от сегодняшних исследователей дальнейшего углубленного анализа его идей, а также включения их в контекст современных споров о природе нашего государства. Сегодня мы могли бы искать у французского мыслителя ответа на мучающие нас вопросы: что лучше для России — демократия или авторитаризм? Соответствует ли Дума той форме законодательной власти, которую в качестве лучшей предложил Монтескье? Действует ли принцип разделения властей в нашем государстве? Является ли оно правовым? Одинаковы ли законы для всех? — и т. д. Вопросов не счесть, и предложения великого просветителя XVIII века помогли бы нам в наших раздумьях.

философии Российской академии наук. Окончила философский факультет МГУ, доктор философских наук (1987). Автор монографий: «Дидро» (М., 1975), «Проблема единства теории и практики в немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте)» (М., 1986), «Иммануил Кант: от ранних произведений к “Критике чистого разума”» (М., 1990), «Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо)» (М., 1995), «Проблема бытия в немецкой философии и современность» (М., 2002), «Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества)» (М., 2006), «От Канта к Фихте (сравнительно-исторический анализ)» (М., 2010), «Две философские рефлексии: от Гольбаха к Канту (сравнительно-исторический анализ)» (М., 2011).

Т. Б. Длугач

Шарль Луи Монтескьё и его концепция правового государства (в сокращении)

Печатается по: Длугач, Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). — М.: ИФРАН, 2006. — С. 132–170.

¹ *Томас Гоббс* — английский философ, представитель эмпиризма, приверженец теории общественного договора. Главное произведение — «Левиафан» (1651).

² *Солон* (VII–VI вв. до н. э.) — афинский законодатель, традиционно относимый к числу «семи мудрецов» древности.

³ *Антиномия* — противоречие между представляющимися равно убедительными положениями.

⁴ *Механицизм* — теоретическая установка, согласно которой все объяснения событий природного мира должны строиться на основе принципа пространственного перемещения материальных частиц. Метод механицизма предполагает сведение сложных явлений к их простым составляющим.

⁵ *Френсис Бэкон* (1561–1626) — английский мыслитель, родоначальник эмпиризма в западноевропейской философии Нового времени. Главное произведение — «Новый органон» (1620).

⁶ *Детерминизм* — учение о причинной обусловленности происходящих в мире событий.

⁷ *Сервий Туллий* (VI в. до н. э.) — один из царей Древнего Рима.

⁸ *Ликург* (IX–VIII вв. до н. э.) — легендарный законодатель древней Спарты.

⁹ *Меркантилизм* — экономическая теория, предусматривающая активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь общества.

¹⁰ *Самуэль фон Пуффендорф* (1632–1694) — немецкий мыслитель, сторонник концепции естественного права, опирался на идеи Г. Гроция и Т. Гоббса. (См. подробнее примеч. 8 к статье И.И. Мартынова.)

¹¹ *Гуго Гроций* (1583–1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ и протестантский теолог, драматург и поэт. Разрабатывая теорию естественного права, опирался на труды деятелей второй схоластики XVI столетия. Основатель международного права как науки, в частности ввел понятие «свободного моря» для международной торговли. Его самое знаменитое уже при жизни сочинение посвящено вопросам войны и мира с точки зрения права (*De jure belli ac pacis*, 1625). Среди его последователей был С. Пуффендорф.

¹² *Джон Локк* (1632–1704) — английский философ, теоретик сенсуализма, выразитель идей политического либерализма. Локк настаивал на необходимости разделения законодательной, исполнительной и федеративной властей.

Хачик Нишанович Момджян (1909–1996)

Историк французской философии. Окончил философский факультет МИФЛИ, доктор философских наук (1951). Профессор философского факультета МГУ, затем — заведующий кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС. Главные труды: «Философия Гельвеция» (М., 1955), «Поль Лафарг и философия марксизма» (М., 1978), «Французское Просвещение XVIII века» (М., 1983).

Х. Н. Момджян **Монтескье**

Печатается по: Французское Просвещение XVIII века. М.: Мысль, 1983. С. 89–108.

В публикуемом отрывке сохранена авторская орфография, характерная для изданий советского периода.

¹ *Фридрих Мельхиор Гримм* (1723–1807) — немецкий публицист, дипломат, активный деятель французского Просвещения. имел многолетние связи с русским императорским двором Екатерины II, издатель оригинальной рукописной «газеты» (*Correspondance*), подписчиками которой были многие европейские монархи.

² *Деизм* — религиозно философское учение, признающее Бога творцом мира, но ограничивающееся пониманием Создателя как безличного Верховного разума.